

ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 1:93+1:94

УНИВЕРСАЛИСТСКИЕ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

© 2010 г.

В.М. Воронов

Мурманский государственный педагогический университет

Voronov.mspu@rambler.ru

Поступила в редакцию 22.03.2010

Анализируются роль и значение онтологических универалистских философско-исторических концепций, методологические основания современного критического отношения к ним. Делается вывод о том, что тотальное критическое отношение к ним необоснованно. Выявляются различные аспекты: мировоззренческие, социально-философские, понимаемые, которые определяют значение универалистских философско-исторических схем.

Ключевые слова: универалистские философско-исторические концепции, понимаемая модель, «конец» истории.

Первоначально философско-исторические схемы возникли в качестве понимаемых моделей, которые определённым образом структурировали всемирную историю и придавали ей векторную направленность и тем самым создавали универсальную картину истории. Философская схема кроме функции понимаемой модели прошлого выполняла также мировоззренческую функцию. Смысл существования отдельного человека определялся универсальным смыслом всемирно-исторического существования человечества. В настоящее время такие философско-исторические концепции в различных типологиях разными авторами определяются в качестве онтологических, субстанциональных, метафизических или спекулятивных¹. В современной интеллектуальной ситуации такие философско-исторические концепции, создающие понимаемые модели всемирной истории, в определённой мере дискредитированы. Представляется, что современное нигилистическое отношение к универалистским философско-историческим концепциям во многом не обоснованно.

В первой половине XX века метафизические концепции всемирной истории были подвергнуты критике представителями аналитико-эпистемологического направления в философии истории. В работах неокантианцев В. Виндельбанда, Г. Риккерта и неогегельянцев Р.Дж. Коллингвуда, Б. Кроче обосновывалось положение о специфичности исторического познания, которое не имеет ничего общего с

естественно-научным. Историческое познание, соответственно, не должно ориентироваться на поиск неких универсальных закономерностей и, следовательно, как таковое, неизбежно ограничено определёнными региональными рамками. Поэтому основной, если не единственной, формой философско-исторической рефлексии должна стать эпистемология. И сейчас представители аналитико-эпистемологического направления, как правило, придерживаются крайне скептических позиций в отношении концепций, обосновывающих определённые философско-исторические понимаемые модели прошлого². Так, с точки зрения А. Данто, субстанциональная философия истории является своего рода интеллектуальным монстром – «кентавром», гибридом философии и истории, по настоящему не имея отношения ни к философской рефлексии, ни к историческому познанию [1, с. 23–24].

Представляется, что такая критика онтологических философско-исторических концепций во многом основана на некорректном отождествлении двух категорий – познания, которым занимается историческая наука, и понимания, которым занимается философия. Философское понимание отнюдь не тождественно познавательному процессу (ни на теоретическом, ни на эмпирическом его уровнях), цель которого связана с открытием новых фактичностей и их объяснением. Философская рефлексия, напротив, имеет дело с идеальными логическими конструкциями, тогда как познание восходит от

конкретной эмпирии к универсальным построениям. Целью философского исследования является не расширение границ фактичности или имманентное ей объяснение, а новое концептуальное понимание, результатом которого становится, как правило, принципиально новый образ фактичности. Специализированные профессиональные исторические исследования неизбежно ограничены определёнными региональными рамками: пространственно-временными, тематическими, методологическими и т.д. Однако отрицание на основании такой ограниченности возможности универсальной философской рефлексии является неоправданной экстраполяцией ограничивающих признаков отдельной науки на философию.

В середине XX века серьёзной критике онтологические философско-исторические схемы подверглись и со стороны видного представителя научно-логического позитивизма К.Р. Поппера. Критические построения Поппера были направлены прежде всего против таких признаков онтологических философско-исторических схем, как историцизм и холизм [2, с. 47–79; 3, с. 35–37; 4, с. 312–320]. Сущность историцизма, по мнению Поппера, заключается в стремлении создать определённую картину будущего, к которой должно привести историческое развитие. Под холизмом им понимается притязание на создание целостной понимающей модели исторического процесса, в то время как реальные возможности исторического познания неизбежно регионально ограничены. Теоретико-исторические схемы критикуются Поппером параллельно с философско-историческими построениями; таким образом, фактически разграничения между теорией истории и философией не проводятся. Однако если возможность существования теоретической истории, в свете тех требований, которые к ней предъявляет попперовская методология, является дискуссионной³, то критика, направленная в адрес философско-исторических построений обоснована не в полной мере. Как уже указывалось, если научное историческое познание ограничено определёнными региональными рамками, то философская рефлексия, по своей сути, основывается на универсальном логико-метафизическом анализе. Опять-таки, хотя в социальных науках возможность успешного предсказания будущих событий, очевидно, никогда не достигнет уровня точных наук, отрицание на этом основании финалистских философско-исторических концепций вряд ли оправданно. Состояние «конца» истории – это не детерминистский прогноз неизбежных будущих фактов, а важная часть кон-

цептуальной схемы, создающей определённую универсальную понимающую модель истории.

Представителями постмодернизма также даётся крайне скептическая, если не нигилистская, оценка онтологических (или спекулятивных, как это присуще терминологии постмодернистских авторов) философско-исторических построений. Логико-метафизические концепции дискредитируются в постмодернизме тем или иным образом, соответственно их философско-рефлексивный статус ставится под сомнение. Определённая философская концепция понимается в качестве продукта тропологической традиции, простого нарратива, результата ограниченного европоцентричного или фалоцентричного мировоззрения и т.д. Скептицизм, безусловно, играет методологически важную роль, заставляя искать более надёжные обоснования и гораздо строже подходить к логической разработанности концепции. Однако такой тотальный скепсис, исключающий какую-либо положительную ценность в определённой отрасли философского знания, стратегически проигрышен. Естественно возникает и вопрос, почему методологические основания самого постмодернистского скептицизма претендуют на какую-либо истинность и универсальность. Сама постмодернистская критика, таким образом, приобретает во многом идеологический антирациональный характер.

Часто нигилистическую позицию по отношению к философско-историческим концепциям занимают и современные представители профессиональной исторической науки. Историки критиковали и критикуют философские построения за их метафизическую отвлечённость, догматический характер и чрезмерную схематизацию всемирной истории. В отечественной ситуации остроту этой критике добавляет опыт советского прошлого, когда всемирно-историческое развитие трактовалось исключительно с точки зрения догматично понимаемого марксизма, а единственной методологией познания истории объявлялся исторический материализм [5, с. 23–24; 6, с. 31–34]. Создание определённой универсальной картины-схемы исторического процесса, безусловно, схематизирует и упрощает наше представление об историческом прошлом. Однако без такой философской схемы история превращается в хаотичную совокупность обособленных региональных историй. Профессиональный историк может и не проявлять интереса к фактам, выходящим за рамки его региональной сферы исследования, однако социум испытывает потребность в су-

существовании определённой универсальной картины-структуры исторического прошлого.

Представление об общем историческом прошлом во многом определяет самоидентификацию и самосознание социума. Институты образования и культуры выполняют функцию формирования в сознании людей необходимой картины-структуры общей истории. Конечно, в современной ситуации массовое историческое образование, во многом ограничено региональными рамками национально-государственной истории. Однако рефлексивное осознание людьми самих себя, в первую очередь частью человечества, а уже потом субъектами региональных социальных структур, основывается в том числе и на представлении о единстве всемирной истории. Процессы глобализации приводят к усилению потребности в такой универсальной самоидентификации. Создание универсальной картины всемирной истории, особенно легко воспринимающейся за пределами профессиональной исторической среды, возможно только при условии её (всемирной истории) философской концептуальной схематизации.

Универсальность и структурность, привносимые в историю философской рефлексией, являются условиями широкого восприятия в обществе исторического знания. Напротив, отсутствие универсальной схемы-структуры существенно затрудняет ретрансляцию не только исторического знания, но и всей социогуманитарной фактичности⁴. В настоящее время в исторической науке, по мнению ряда исследователей, происходит как раз усиление обособленности и специализации отдельных региональных историй [7, с. 24–32]. Подобная ситуация имела место в эпоху Нового времени, когда происходило ослабление теологических философско-исторических схем, а новые просветительские концепции ещё не были созданы. История в образованных слоях общества воспринималась в качестве беспорядочного собрания отдельных курьёзов [8, с. 236].

Таким образом, универсалистские философско-исторические схемы выполняют мировоззренческую функцию универсальной самоидентификации человечества и функцию легитимации исторического знания. В рамках философско-исторической рефлексии получает решение и мировоззренческая проблема смысла жизни. Безусловно, в определённой философской традиции проблема смысла жизни может решаться только на личном экзистенциальном уровне, например в философских течениях эпохи эллинизма или в экзистенциализме. Однако данная проблема может иметь решение и на всеобщем

социальном уровне. В конкретной философско-исторической концепции смысл существования человечества определяется смыслом истории, который диктуется направлением исторического развития и «концом» истории. «Конец» истории является той идеальной целью исторического развития, которая и придаёт ему телеологический характер, а значит, телеологический характер приобретает и существование человечества. Всеобщий смысл существования человечества определяет смысл жизни отдельного человека.

Постулирование телеологического «конца» истории в этическом аспекте вступает в противоречие со свободой человеческой воли. Критика универсалистских телеологических концепций, основанная на, казалось бы, неизбежности этой этической дихотомии, является одной из сильных сторон аргументации их противников⁵. Эта этическая проблема осмысливалась в философско-исторических работах Н.А. Бердяева. Так, в его концепции «концом» истории должно стать второе пришествие и установление царства Божьего на земле, т.е. трансцендентное прекращение земной истории или переход её в другую физическую реальность [9, с. 47–49]. Однако возможным оказывается и иной сценарий, связанный с установлением царства небытия и прекращением физической исторической реальности. Достижение положительного «конца» истории связывается Бердяевым с сознательным и свободным выбором человечества. Таким образом, решение данной проблемы связано с пониманием «конца» истории в качестве идеальной телеологической цели исторического процесса, достижение которой жёстко не детерминировано, а зависит от сознательного свободного выбора субъекта.

Представления об определённом «конце» истории характерны не только для классических философско-исторических схем, но и для многих современных концепций всемирной истории. Так, с точки зрения синергетической философии истории, «концом» истории становится состояние некоего суператаракта – полностью устойчивого внутреннего и внешнего состояния социальной системы. Состояние суператаракта характеризуется и максимальным техническим и эстетическим развитием, а также появлением сверхчеловека и сверхчеловечества [10, с. 24–25, 29]⁶. Хотя такое состояние на практике является недостижимым, историческое развитие представляет собой не что иное, как бесконечное приближение к этому идеальному состоянию. Хотя состояние суператаракта и не определяется в качестве цели и «конца» истории, но

по сути оно выступает именно в этом качестве идеальной цели и идеального «конца» истории.

Философско-исторические построения, как правило, являются основой социально-философского анализа социальной реальности [11, с. 7]. Теории, в которых строятся понимаемые модели социальной реальности, для устойчивости и доказательности своих построений должны опираться на определённую картину прошлого. Так, например, теория постиндустриального общества Д. Белла предполагает картину трёх стадий глобального исторического процесса, для которых характерно господство, соответственно: доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества [12, р. 198 note.; 13, с. 15–18; 14, с. 157–158]. Также и марксистское понимание структуры общества в качестве социально-экономического базиса и идеологической надстройки [15, с. 26–27] основывается на философской концепции универсального исторического развития.

Безусловно, полностью отвлеченные метафизические построения не могут рассчитывать на широкое восприятие в современном обществе, основывающемся на позитивистски-рационализированном мировоззрении. Решение данной проблемы связано либо с приближением философско-исторических концепций к научному социогуманитарному знанию, либо с опорой на определённые концепции и методологические направления в теоретической истории, которая должна выполнять функцию связи между философией истории и эмпирическими историческими исследованиями. Так, в марксистской философско-исторической концепции телеологическая схема истории принимает объективный характер. Марксистская философия выступает не только в качестве онтологической теории исторического процесса, но и в качестве методологии исторического познания. Также и современная концепция Ф. Фукуямы, во многом связанная с интерпретацией гегелевских идей, в отличие от концепции самого Гегеля, менее спекулятивна. Фукуямой используются не чистые метафизические категории, а категории, редуцируемые до уровня научного социогуманитарного знания. Основная категория в концепции Фукуямы, определяющая развитие человечества, – это *стремление человека к признанию* [16, с. 228–235, 239–241, 282–283]. Данная категория носит метафизический характер, однако в отличие от гегелевской категории *саморазвития духа*, достаточно легко может быть рассмотрена сквозь призму анализа социальной психологии, общественно-политического устройства, идеологических установок, в том числе

и в конкретных эмпирических исследованиях. Построение строгой организационной структуры знания по типу «эмпирические исторические исследования» – «теоретическая история» – «философия истории» является решением данной проблемы в рамках концепции рациональной философии истории Н.С. Розова [17, с. 35–45]. Теоретические исследования становятся здесь связующим звеном между философскими построениями и региональной эмпирической историей.

Таким образом, необходимость философского понимания истории основывается прежде всего на стремлении понять социальную реальность, мировоззренчески осмыслить рефлексию субъекта и намерении универсализировать обобщенные региональные истории. Построение универсалистских понимаемых моделей исторического процесса является необходимым основанием социально-философского анализа. Самосознание единого человечества основывается в том числе и на представлении об универсальной истории. Универсальность и структурность картины всемирной истории носит умоглядный характер и диктуется конкретной философской концепцией. Именно существование универсальной картины-структуры истории придаёт историческому знанию удобовоспринимаемый характер. Представления о телеологическом характере исторического развития и об определённом «конце» истории определяют смысл существования человечества, а следовательно, и смысл жизни отдельного человека.

Философия истории, таким образом, должна пониматься не только в качестве эпистемологии истории, но и прежде всего в качестве самостоятельной философской дисциплины, направленной на логико-метафизическое осмысление исторического развития. Современная тотальная критика универсалистских философско-исторических концепций является во многом не обоснованной и зачастую вызвана некорректным отождествлением категорий познания и понимания, тотальным антирационалистическим нигилизмом, определёнными конъюнктурными и идеологическими соображениями. Безусловно, нельзя отрицать проблемные моменты, связанные с метафизическим характером философско-исторических концепций, вопросами их восприятия в социуме, взаимодействием с эмпирическим историческим знанием, однако вывод о полной нелегитимности любой философии истории, выходящей за эпистемологические рамки, не обоснован. Развитие философско-исторических концепций обусловлено не только эволюцией общих философских

взглядов, но и поиском решения данных проблем.

Примечания

1. В качестве онтологических, субстанциональных, метафизических или спекулятивных философско-исторических концепций необходимо понимать не только универсалистские схемы, но и любые концепции, направленные прежде всего на создание определённой понимающей модели истории. Концепции, в которых всемирная история понимается не как универсалистская модель, но как картина дискретного развития крупных региональных структур (культур, цивилизаций, культурно-исторических типов и т.д.), тоже относятся к данным типам философии истории.

2. Из современных отечественных исследователей, занимающих скептическую позицию по отношению к онтологическим философско-историческим схемам, можно указать А.В. Гурьянову, см. [18, с. 307; 19, с. 5–9].

3. Подробную критику положения К. Поппера о невозможности теоретической истории, которая могла бы создавать целостные модели исторического процесса и давать надёжный прогноз будущего, см. например, в статье Розова [20, с. 55–69].

4. Подобная ситуация присуща как раз современному российскому обществу. Так, характеристика Канта в качестве античного философа уже может не вызывать массовой ироничной реакции студенческой аудитории [11].

5. Такая этическая критика онтологических финалистских концепций истории характерна, например, для Поппера [4, с. 313–317].

6. Понятие «сверхчеловек» употребляется не в ницшеанском значении, а в значении человека с максимально развитыми эстетическим чувством и научно-техническими способностями [10, с. 26–31].

4. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

5. Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 23–35.

6. Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 31.

7. Бойцов М.А. Вперёд к Геродоту // Казус. М., 1999. С. 24–32.

8. Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. М., 2007.

9. Бердяев Н.А. Смысл истории // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье / Составление и комментарии В.В. Сапов. М.: Канон + ОИ Реабилитация, 2002.

10. Синергетическая философия истории / Под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. Рязань: Копи-Принт, 2009.

11. Шмаков В.С. Объяснение и понимание в философии истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.

12. Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N.Y., 1978.

13. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000.

14. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004.

15. Маркс К. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения. Т. 3 / Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1955.

16. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: Ермак, 2005.

17. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002.

18. Гурьянова А.В. Ключевые парадигмы современной эпистемологии истории: классика, опыт неклассической рефлексии и ситуация «пост-». Самара, 2008.

19. Гурьянова А.В. Историческая эпистемология: проблемное поле и эволюция представлений. Самара, 2009.

20. Розов Н.С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 55–69.

Список литературы

1. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002.

2. Поппер К.Р. Ницшта историцизма // Вопросы Философии. 1992. № 8. С. 49–79.

3. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

UNIVERSALISTIC PHILOSOPHICAL-HISTORICAL CONCEPTS AS A METHODOLOGY FOR UNDERSTANDING HISTORY

V.M. Voronov

In the article are analyzed the role and importance of ontological universalistic philosophical-historical concepts. The methodological bases of the modern critical views on such concepts are covered. It is concluded that totally critical relation to them is ungrounded. Different aspects determining the value of universalistic philosophical-historical schemes, such as ideological, social-philosophical, knowing are identified.

Keywords: universalistic philosophical-historical concepts. understanding model. «end» of history.